

О времени написанія „Слова Даниїла Заточника“.

А. Лященко.

„Слово“ или „Моленіе Даниїла Заточника“ извѣстно русскимъ ученымъ болѣе 75 лѣтъ, и за столь продолжительное время появился цѣлый рядъ статей объ этомъ любопытномъ памятникѣ. Въ заслугу изслѣдователямъ „Слова“ безспорно могутъ быть поставлены: историческія объясненія къ памятнику, указаніе источниковъ, откуда, какъ пчела, Даниїль „собиралъ сладость словесную и разумъ“, наконецъ разсмотрѣніе особенностей двухъ главныхъ редакцій „Слова“. Со всѣмъ тѣмъ, очоь важныя вопросы о времени появленія „Слова“, о князѣ, къ которому оно написано, наконецъ объ общемъ значеніи памятника рѣшаются различно.

Главную причину разнорѣчій, по нашему мнѣнію, нужно видѣть въ самомъ методѣ изслѣдованія. Изслѣдователи гораздо больше обращали вниманіе на то, чтобы какъ-либо обосновать свои апріорные домыслы, чѣмъ на всестороннее разсмотрѣніе „Моленія“, въ особенности со стороны исторической. Допущенныя отступленія отъ правильнаго метода сдѣлались роковыми: многіе только повторяли предположенія, до нихъ высказанныя; нѣкоторые, чувствуя несостоятельность этихъ предположеній и не сумѣвъ побѣдить встрѣченныхъ при собственномъ изученіи затрудненій, отрицаютъ историческую основу „Моленія“, существованіе Даниїла, а въ самомъ „Моленіи“ видятъ произведеніе, неизвѣстный авторъ котораго (дружинникъ), воспользовавшись *литературною* формой посланія къ князю, внесъ въ него господствовавшіе взгляды лучшихъ людей на разныя стороны русской жизни въ удѣльно-вѣчевой періодъ... Сказанное сейчасъ, мы постараемся подтвердить сперва собственнымъ разсмотрѣніемъ главнѣйшаго вопроса о времени написанія „Моленія Даниїла Заточника“ и имени князя, къ которому оно адресовано.

„Слово Даниїла Заточника“ дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ, не всегда сходныхъ между собою. Первая редакція, признаваемая древнѣйшей, извѣстна пока по тремъ спискамъ: Толстовскому (теперь Императорской публичной бібліотеки) начала XVII в., Копенгагенской публичной бібліотеки XVII в. и бібліотеки С.-Петербургской духовной академіи, тоже XVII в.¹⁾ Списковъ второй редакціи два: Ундольскаго

¹⁾ Что касается яко бы особаго Морозовскаго списка, изданнаго Сахаровымъ въ „Сказаніяхъ русскаго народа“, то это не что иное, какъ воспроизведеніе Толстовскаго списка. Сравни. отзывъ А. С—скаго объ изданіи „Слова Даниїла Заточника“ Шлипкива въ „Библиографіи“ 1890, стр. 8—9.

(теперь Румянцевскаго музея), XV в. и Чудовской библіотеки XVII в. Наконецъ есть двѣ передѣлки „Слова“ (одна извѣстна по Соловецкой рукописи, нынѣ Казанской духовной академіи, другая — по списку гр. Д. Н. Толстого), изгладившія многія древнія черты памятника.

Толстовскій списокъ не даетъ имени князя, но называетъ его „сыномъ великаго царя Владимира“; списки Копенгагенскій и Академическій называютъ князя прямо Ярославомъ Володимировичемъ, сыномъ великаго царя (К. — великаго князя) „Володимера“. Въ обоихъ спискахъ второй редакціи „Моленіе адресовано къ Ярославу Всеволодовичу, сыну великаго царя (великаго князя) Всеволода“. Вотъ первое и очень важное затрудненіе, которое намъ необходимо разсмотрѣть. Мы попытаемся рѣшить вопросъ объ имени князя, не отдавая предпочтенія той или другой редакціи, въ виду того, что въ каждой изъ нихъ сохранились древнѣйшія черты.

По обѣимъ редакціямъ, Ярославъ — князь Переяславля Южнаго (это признается всѣми изслѣдователями); Даниль оказывается сосланнымъ на озеро Лаче — въ Новгородской землѣ (нынѣ въ Олонецкой губ.; изъ него вытекаетъ р. Онега). Ссылать въ Новгородскую землю могъ только Новгородскій князь. Что дѣло идетъ о князѣ, которому близка Новгородская область видно и изъ игры словъ: „Кому Бѣлоозеро, а мнѣ чернѣе смолы, кому Новгородъ, а мнѣ углы опали“. Итакъ, если мы найдемъ такого князя съ именемъ Ярослава, который одновременно княжилъ и въ Переяславлѣ Южномъ и въ Новгородѣ, то именно къ нему и должно быть адресовано „Слово Данила Заточника“. Такимъ именно княземъ былъ *Ярославъ Всеволодовичъ* (р. 1191, † 1246). Онъ призванъ былъ изъ Переяславля Новгородцами, послѣ отъѣзда отъ нихъ Мстислава Удалого, и прибылъ въ Новгородъ въ 1215 г.; Ярославъ велъ себя въ Новгородской землѣ какъ въ завоеванной странѣ и потому удержался здѣсь тогда недолго, до знаменитой Липецкой битвы (въ апрѣлѣ 1216 г.). Вторично призвали его Новгородцы въ 1223 г. году, и вскорѣ Ярославъ ознаменовалъ себя удачными походами въ Чудскую землю; въ 1224 г. въ Новгородѣ опять является другой князь. Въ 1225 г. *съ переяславскими войсками* Ярославъ удачно отбиваетъ (у Усвята) у литовцевъ весь полонъ, взятый ими въ Новгородской землѣ. Съ этого времени онъ предпринялъ изъ Новгорода цѣлый рядъ походовъ, занялъ (1226) часть Еми (южной Финляндіи), крестилъ кореловъ, сосѣдей Еми (1227), отбилъ Емь, хотѣлъ итти съ вызванными *изъ Переяславля* полками на Ригу, но псковичи воспротивились походу. Этотъ отказъ вызвалъ и раздоры князя съ новгородцами. Снова появляется Ярославъ въ Новгородѣ послѣ 1230 г.; въ 1234 онъ одерживаетъ побѣды надъ нѣмцами и литовцами. Въ 1236 г. Ярославъ оставилъ въ Новгородѣ сына Александра (Невскаго) и отправился въ Кіевъ. Послѣ несчастной битвы при Сяти, Ярославъ занялъ великокняжескій престолъ во Владимірѣ; въ 1243 г. Батыемъ Ярославъ былъ признанъ старѣйшимъ княземъ на Руси. Въ 1245 г. онъ опять былъ въ Ордѣ, и на пути къ великому хану на берега Амура умеръ 30 сентября 1246 г., какъ думали современники отъ отравленія¹⁾. Если мы обратимъ вниманіе на то, что Ярославъ самъ въ „Словѣ“

¹⁾ А. В. Экземплярскій. Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ. Сиб. 1889, стр. 7—19,

нигдѣ не называется великимъ княземъ, и что дѣятельность его въ Новгородской землѣ была особенно замѣтной въ промежутки его княженія въ Новгородѣ между 1223 и 1236, то мы вправѣ предположить, что „Слово Данила Заточника“ вѣроятнѣе всего могло быть написано именно въ эти 13 лѣтъ. (Ниже мы постараемся обосновать предполагаемую нами вслѣдъ за проф. Голубинскимъ причину ссылки Данила; вотъ почему мы привели рядъ указаній о походахъ Ярослава въ Новгородской области).

Теперь перейдемъ къ вопросу: могъ ли отецъ Ярослава, Всеволодъ, бывшій конечно великимъ княземъ, называться въ памятникахъ литературныхъ и историческихъ не только „великимъ княземъ“, но и „великимъ царемъ“. У нашихъ историковъ на этотъ вопросъ мы можемъ найти слѣдующіе отвѣты: „Всеволодъ Георгиевичъ — говоритъ Карамзинъ — спокойно и тихо представился на пятьдесятъ осьмомъ году жизни, оплакиваемый не только супругою, дѣтьми, боярами, но и всѣмъ народомъ: ибо сей государь, называемый въ лѣтописяхъ *Великимъ*, княжилъ счастливо, благо-разумно отъ самой юности, и строго наблюдалъ правосудіе“¹⁾. Вотъ слова Соловьева: „Князь было общее неотъемлемое названіе для всѣхъ членовъ Рюрикова дома. Старшій въ родѣ князь назывался *великимъ*; но сначала въ лѣтописи мы встрѣчаемся очень рѣдко этотъ титулъ при имени старшаго князя; обыкновенно онъ придается только важнѣйшимъ князьямъ, и то при описаніи ихъ кончины, гдѣ лѣтописецъ обыкновенно въ украшенной рѣчи говоритъ имъ похвалы. Ярославъ первый называется великимъ княземъ Русскимъ; здѣсь слово *Русскій* однозначительно съ *Всероссійскій*, князь *всѣя Руси*... Но если въ южной лѣтописи мы такъ рѣдко встрѣчаемъ названіе „Великій князь“, то въ сѣверной Руси оно начинаетъ прилагаться къ имени *Всеволода III* и сыновей его, державшихъ старшинство; здѣсь даже это названіе начинаетъ употребляться одно безъ собственнаго имени для обозначенія Всеволода III. Великими князьями *всѣя Руси* названы Мономахъ при описаніи его кончины, и Юрій Долгорукій при описаніи кончины Всеволода III; первый съ достаточнымъ правомъ, второй, какъ видно, изъ особеннаго усердія сѣвернаго лѣтописца къ князьямъ своимъ. Въ одномъ мѣстѣ лѣтописи, въ похвалѣ Мономаху и сыну его Мстиславу, слово „великій“ поставлено позади собственныхъ именъ ихъ; также не разъ поставлено позади имени Всеволода III, не одинъ разъ явно для отличія его отъ другого Всеволода, князя Рязанскаго... Для означенія высшей власти, *также изъ болѣе уचितости и усердія*, относительно князей употреблялись слова „царь, царскій“²⁾.

Царемъ, напримѣръ, названъ въ лѣтописи Изяславъ II Мстиславичъ. Романъ Галицкій въ лѣтописи называется „самодержцемъ всей русской земли“³⁾. Еще Калайдовичъ указалъ въ „Словѣ“ митрополита Никифора, современника Владимира Мономаха, выраженіе что Богъ Мономаха отъ *царское* и *княжеское* крови смѣсило⁴⁾. Изъ словъ Никифора можно заключить, *почему* титулъ царя могъ быть присвоенъ потомкамъ Мономаха. Въ виду приведенныхъ историческихъ указаній, нисколько не

¹⁾ Исторія государства Россійскаго, изд. Эйнерлинга. Сиб. 1872, т. III, столб. 82.

²⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, т. III, гл. 1. (Изд. „Тов. Общ. П.“) стр. 671—672.

³⁾ Лѣтопись по Ипатскому списку. Сиб. 1871 г. стр. 479.

⁴⁾ Памятники Россійской словесности XII в. М. 1821, стр. 227.

странно то обстоятельство, что Даниль въ своемъ посланіи къ Ярославу Всеволодовичу называетъ его отца великимъ царемъ¹⁾.

На вопросъ, что естественнѣе: замѣна ли переписчиками отчества князя Ярослава Всеволодовича — Владимировичемъ или наоборотъ „мы безъ колебанія отвѣчаемъ, что естественнѣе первое, т.-е. мы убѣждены, что отчество „Владимировичъ“ есть позднѣйшее искаженіе. Въ самомъ дѣлѣ, для Данила и Всеволодъ, и его сынъ были людьми очень близкими и хорошо извѣстными; но такъ ли это было для позднѣйшаго переписчика? Съ развитіемъ Московскаго княжества и объединенія земель около Москвы особенную популярность стало пріобрѣтать имя Владимира Мономаха, родоначальника Владимиро-Суздальскаго дома; въ московское именно время создавалась легенда о Мономаховыхъ регаліяхъ. Естественно, что для позднѣйшихъ переписчиковъ, особенно XVI—XVII в., имя Всеволода было настолько же чуждымъ, насколько имя Владимира близкимъ. Замѣтка перваго имени послѣднимъ могла явиться или по невѣжеству, или даже по неудачному домыслу²⁾. Притомъ, мы должны принять въ расчетъ и то, что отчество „Всеволодовичъ“ сохранилъ нашъ древнѣйшій списокъ, XV в.

Мы имѣемъ полное основаніе назвать замѣну Всеволодовича Володимировичемъ неудачной, потому что Ярослава Владимировича, „сына великаго царя (князя) Владимира“, *никогда не было*. Изъ восьми сыновей Владимира Мономаха, котораго только и можно разумѣть подъ именемъ великаго царя (князя) Владимира, не было ни одного съ именемъ Ярослава. Исслѣдователямъ поэтому приходилось подыскивать или такого Ярослава, который не былъ сыномъ Мономаха, или такого Мономаховича, который не носилъ имени Ярослава. Необходимость же того или другого выбора основывалась на *неправильномъ* и недоказанномъ предположеніи, что „Слово“ написано въ XII в.: требовался такимъ образомъ и князь XII вѣка. Ярославъ Владимировичъ отыскался среди многочисленнаго рода Мономаховичей; это былъ сынъ Владимира Мстиславича, слѣдовательно правнукъ Владимира Мономаха (на этомъ имени особенно настаивали Срезневскій, Миллеръ и Порфирьевъ). Уже одно то, что, принявъ это имя за первоначальное въ „Словѣ“, мы отступаемъ отъ прямого текста памятника, *во всѣхъ спискахъ* котораго Ярославъ названъ *сыномъ* великаго Всеволода (Владимира), не говоритъ въ пользу этого мнѣнія. Но противъ него говорятъ и историческія основанія. Отецъ Ярослава Владимировича, Владимиръ Мстиславичъ, былъ едва ли ни ничтожнѣйшимъ изъ всѣхъ Мономаховичей, не отличался никакими личными доблестями, игралъ самую постыдную роль въ княжескихъ междоусобіяхъ; только четыре мѣсяца занималъ онъ старшій еще тогда столъ въ Кіевѣ, и то занималъ обманомъ. Андрей Боголюбскій

1) Самъ Ярославъ Всеволодовичъ называется „честнымъ и великимъ“ въ житіи Александра Невскаго написанномъ современникомъ. См. „Сказаніе о жизни Александра Невскаго“, сообщалъ архим. Леонидъ. Спб. 1882 („Памятники древней письменности“ XXXVI) стр. 6.

2) Ѡ. А. Безсоновъ предполагаетъ рядъ изводовъ XII в. и позднѣйшихъ. „Списокъ, служившій Карамзину для разнорѣчій“, говоритъ онъ, „князя называлъ Ярославомъ, и потому историографъ сдѣлалъ догадку, что Георгій Долгорукій могъ имѣть славянское имя Ярослава. Но онъ не сказалъ намъ, какое въ списокѣ прибавлено отчество, если Владимировичъ — то опять это далеко и странно, если Всеволодовичъ, — то это былъ бы своеобразный изводъ, близкій къ нашему въ списокѣ XV в.“ (т.-е. Ундольскаго). — Меня появленіе отчества „Всеволодовича“ въ 1-й редакціи нисколько бы не удивило; оно было бы однимъ изъ лучшихъ доказательствъ въ пользу моего мнѣнія.

не признавалъ его, и только смерть Владимира (1171) спасла его еще отъ одного постыднаго пораженія. Вотъ отзывъ о немъ лѣтописца: „Много перенесъ онъ бѣдъ, бѣгая отъ Мстислава то въ Галичъ, то Венгрію, то въ Рязань, то къ половцамъ, но все по своей винѣ, потому что неустойчивъ былъ въ крестномъ цѣлованіи“¹⁾. Является совершенно невѣроятнымъ, чтобы гдѣ-либо Владимиръ Мстиславичъ былъ названъ великимъ царемъ (княземъ) въ то время, когда въ XII в. такой титулъ прилагался только къ Владимиру Мономаху. Всѣ списки „Слова“ еденогласно удерживаютъ титулъ великаго за отцомъ князя Ярослава, такъ что это мѣсто не можетъ считаться позднѣйшею вставкою; это титулованіе — очень существенная для насъ черта древнѣйшей основы „Слова“ и сильное доказательство противъ признанія древнѣйшимъ именемъ въ „Словѣ“ имени Ярослава Владимировича. За признаніе этого имени говоритъ только одно то, что Ярославъ Владимировичъ былъ Новгородскимъ княземъ съ 1181 по 1199 г., доказательство очевидно очень слабое и нисколько не подрывающее нашего предположенія о Ярославѣ Всеволодовичѣ.

Г. Безсоновъ²⁾, а вслѣдъ за нимъ другіе, предполагаютъ, что „Слово Даниїла Заточника“ первоначально было адресовано Андрею Владимировичу, князю Переяславскому. Мы не будемъ разбирать этого мнѣнія; скажемъ только, что подставленіе на мѣсто ясно читаемаго въ четырехъ спискахъ имени Ярослава какого-либо другого имени не можетъ быть признано пріемомъ сколько нибудь научнымъ. Но для такого подставленія были конечно свои причины; причины эти заключались — во-первыхъ, въ неправильномъ предположеніи, что „Слово Даниїла Заточника“ написано было въ XII в., во вторыхъ, въ игнорированіи того, что не одинъ Владимиръ Мономахъ могъ называться великимъ княземъ или великимъ царемъ, что титулъ „великаго“ послѣ Мономаха былъ присвоенъ Всеволоду III. Какъ же создалось предположеніе о написаніи „Слова“ въ XII в.?

Первый опубликованный сперва Карамзинымъ³⁾ потомъ Калайдовичемъ⁴⁾ (Голстовскій), какъ мы уже упоминали, не давалъ имени князя, называя его только сыномъ великаго царя Владимира. Вполнѣ естественно было *первоначальное* предположеніе, что въ „Словѣ“ разумѣлся Юрій Долгорукій. Далѣе, въ „Словѣ“ приводятся слѣдующія слова, приписываемыя Ростиславу: „не лгалъ бо ми — говоритъ Заточникъ — Ростиславъ князь: лѣпше ми смерть, а не курское княженіе“. Ростиславъ былъ княземъ Южнаго Переяславля въ концѣ XII в. Еще Калайдовичъ отмѣтилъ, что эти слова въ лѣтописи приписаны Андрею Владимировичу, отжившему въ Переяславлѣ въ 1135—1141 гг. Это мнѣніе о принадлежности „Слова“ къ XII в. настолько стало безспорнымъ, что когда появились новые списки памятника, съ полнымъ именемъ князя, ни разу не былъ поднятъ вопросъ, правильно ли первоначальное пріуроченіе „Слова“ къ XII в. О первомъ основаніи такого пріуроченія (т.-е. о догадкѣ,

1) Прекрасный разборъ мнѣнія Срезневскаго и Миллера о Ярославѣ Владимировичѣ представилъ г. Модестовъ въ своей статьѣ „О посланіи Даниїла Заточника“ („Журналъ Мин. Просв.“ 1880, X 11, стр. 189—191).

2) Статья Безсонова въ „Москвитиниѣ“ 1856, № 7 и 8.

3) Ист. Госуд. Рос.

4) Памятники рос. слов. XII в.

что „Слово“ было адресовано къ Юрію Долгорукому) намъ говорить нечего, такъ какъ оно безусловно было устранено вновь найденными списками „Слова“. Повидимому за современность „Слова“ Юрію или вообще XII в. говорить выраженіе Даниіла: „не лгалъ бо *ми* Ростиславъ князь“. Вопросъ сводится, слѣдовательно, къ тому, какъ понимать здѣсь слово „ми“: означаетъ ли эта фраза, что Даниілъ передаетъ лично имъ слышанныя отъ князя Ростислава слова, или слово „ми“ имѣетъ здѣсь какое-либо другое значеніе? Безъ всякаго сомнѣнія, „ми“ имѣетъ здѣсь значеніе *dativus ethicus* или такъ называемаго А. А. Потебней дательнаго поэтического. Употребленіе въ этомъ значеніи „ти“ придаетъ, по словамъ Буслаева, особенную искренность и наивность разговорнаго начала“. Этотъ дательный, по мнѣнію Потебни¹⁾, „выражаетъ сознаніе живости, съ какою пѣвецъ или расказчикъ представляетъ себѣ то, о чемъ говорить; интересъ, какой принимаетъ въ этомъ онъ самъ („ми“), или вмѣстѣ съ слушателями (намъ), или какой онъ предполагаетъ во второмъ лицѣ (ти, малорусское тобі, вамъ), какъ отраженіе интереса перваго лица“. Какъ примѣры такого дательнаго Потебня приводитъ: „Что ми шумить, что ми звенить рано предъ зорями“ (изъ „Слова о полку Игоревѣ“); „Не лгалъ бо ми (т.-е. не „*мнѣ*“, а „*вѣдѣ*“ в. „*я знаю*“) Ростиславъ князь“ (изъ нашего „Слова Даниіла Заточника“). Такой дательный поэтической въ „Словѣ Даниіла Заточника“ встрѣчается не разъ; напримѣръ: 1) „Княже мой господине! аще *ти* есмь на рати ни хоробръ, но на словесехъ *ти* есмь крѣпокъ“. 2) „Кому *ти* есть Переславль, а мнѣ Гореславль“²⁾. Наконецъ, мы можемъ привести наиболѣе разительный примѣръ изъ „Слова Даниіла Заточника“ (второй редакціи): „Святополкъ и виноватъ будя, избивъ братію, по тако *ти* есть крѣпокъ, едва къ вечеру, рече, силою одолѣ Ярославъ“. Если „ти“ въ этой фразѣ понимать не какъ дательный поэтической, то Святополкъ окажется современникомъ князя Ярослава Всеволодовича.

Итакъ, мы видимъ, что текстъ самого „Слова“ не даетъ никакихъ основаній признавать его памятникомъ XII вѣка.

Мы выше привели нѣсколько указаній о походахъ князя Ярослава Всеволодовича въ Новгородской землѣ. Въ походахъ этихъ часто участвовали пришедшія съ Ярославомъ переяславскія войска; рядъ походовъ былъ предпринятъ княземъ на Еми, жившую тогда въ южной части нынѣшней Олонецкой губ., и на сосѣдей Еми — Кореловъ, большую часть которой князь даже крестилъ. Этими походами можетъ быть легко объяснимо странное на первый разъ появленіе одного изъ дружинниковъ Ярослава Всеволодовича на озерѣ Лачѣ. Но какая же причина ссылки нашего Даниіла? На этотъ счетъ существуютъ разные предположенія. Но самый текстъ „Слова“, на который изслѣдователи обратили мало вниманія, даетъ наиболѣе правдоподобный изъ возможныхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ. Вслѣдъ за указаніемъ своего горестнаго положенія въ ссылкѣ, идетъ какъ бы оправданіе автора. Притомъ, я нахожу необходимымъ обратить вниманіе на то, что тонъ этого оправданія самый *положитель-*

¹⁾ „Малорусская народная пѣсня по списку XVI в.“ въ „Филологическихъ Запискахъ“ 1877, в. II стр. 6 и сл. (есть и отд. оттиски этой статьи). Воронежъ, 1877.

²⁾ Потебня, ор. с., 10.

мый, вовсе не похожий на условные отвѣты по поводу совѣтовъ князя: „или ми речеши“.

Вотъ это мѣсто: „Княже, мой господине! аще еси на рати *не велми хоробръ*, но въ словесѣхъ крѣпокъ. Тѣмъ собирай храбрыя и совокупляй смысленія. Луче единъ смысленъ паче десяти безъ ума“... Далѣе идутъ историческіе примѣры: указывается, яко бы Свитославъ (язычникъ) въ войнѣ съ греками ободрялъ малочисленную дружину свою словами изъ Второзаконія: „поженеть единъ сто, а сто подвигнетъ тьму“. Повторяя затѣмъ снова, что „уменьъ мужъ не велми бываетъ на рати храбръ, но крѣпокъ въ замыслѣхъ, *да тѣмъ собираати мудрыя*“, Даниилъ настаиваетъ на томъ, что побѣда не всегда бываетъ на сторонѣ силы, что гораздо выше силы стоитъ разумъ: „многажды безнарядіемъ полцы погибають“. Авторъ приводитъ въ примѣръ Святополка (оговариваясь, что Святополкъ безусловно виноватъ въ убійствѣ братьевъ), оказавшагося очень сильнымъ непріателемъ для Ярослава, который одолѣлъ его только къ вечеру.

Изъ этого двукратнаго упоминанія Данииломъ о собственной трусости мы выводимъ, что именно за трусость и постигла его немилость князя. Весьма вѣроятно, что Даниилу запрещено было оставаться при князѣ, и приказано остаться на Лачѣ, подъ началомъ княжескихъ тиуновъ. Последнее для него было, повидимому, горше перваго, и Даниилъ молитъ князя явить ему „зракъ лица своего и избавить отъ власти тиуновъ. Преданіе, занесенное въ позднѣйшіе списки „Слова“, говоритъ, что Даниилъ получилъ прощеніе.

Что Заточникъ сосланъ былъ на оз. Лаче „едва ли не за трусость на войнѣ“, предполагать еще проф. Голубинскій.

Цѣль нашего реферата, пересмотрѣть снова вопросъ о времени написанія „Слова Даниила Заточника“ и дать на него сильный отвѣтъ, закончена. Наше рѣшеніе этого вопроса устраняетъ всѣ несообразности; при немъ оказываются ненужными произвольныя, ни на чемъ не основанныя предположенія о написаніи „Слова“ къ Андрею Владимировичу, потомъ Ростиславу Юрьевичу, какъ думалъ г. Безсоновъ и другіе.

Мы не будемъ однако вступать въ полемику ни съ представителями этого взгляда, ни съ г. Модестовымъ, мнѣніе котораго объ отсутствіи исторической основы „Моленія“ стоитъ одиноко. Его аргументація слишкомъ слаба, въ родѣ положеній, что еслибы Даниилъ былъ лицомъ историческимъ, то его „Слово“ не передѣлывалось бы. Но мы имѣемъ передѣлки словъ даже такого уважаемаго автора и несомнѣнно существовавшаго лица, какъ Кирилль Туровскій. Притомъ при памяти предположенія г. Модестова о чисто-литературной формѣ „Моленія Д. З.“, последнее является памятникомъ исключительнымъ въ древней Руси. Приписать свое или передѣланное слово Іоанну Златоустому или какому-либо другому авторитетному писателю, было на Руси явленіемъ обычнымъ; равно какъ возможно было созданіе тенденціознаго произведенія и приписаніе его перу почитаемыхъ святителей (напр. „Бесѣда Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ“). Но воспользоваться литературною формою для вымышленнаго происшествія и приписать собственное сочиненіе *неизвѣстному и неавторитетному лицу*, — такое явленіе было исключительнымъ и едва ли возможнымъ.

Наконецъ, я упомяну о попыткѣ новаго выясненія вопроса о Даніилѣ Заточникѣ. сдѣланной г. Щуратомъ въ IX т. „Записокъ научоваго товариства імени Шевченко“ (1896 г.). Признавая слабой аргументацію г. Модестова, г. Щурать однако согласенъ съ его отрицаніемъ историческаго существованія Даніила. Центръ статьи — сравненіе „Слова Д. З.“ съ просительными поэмами Михаила Глики, хрониста XII в., и его современника Ѳедора Птохопродрома. Разборъ этихъ сравненій завелъ бы насъ очень далеко. Мы отмѣтимъ здѣсь только то, что Ѳедоръ Птохопродромъ привлеченъ для сравненія совсѣмъ напрасно: сходства у него съ „Моленіемъ“ нѣтъ никакого. Что касается сравненій нашего памятника съ Михаиломъ Гликой, то нѣкоторое сходство между ними есть. Однако, при констатированіи его необходимо быть осторожнымъ. Приведу два-три примѣра: начало „Слова“ („вострубимъ, братіе“ и т. д.) напоминаетъ одно мѣсто у М. Глики; но мы должны помнить, что оно навѣяно псалмами. Таково же мѣсто, гдѣ Даніилъ жалуется на свое одиночество, оставленіе друзьями: и у Заточника, и подобное мѣсто у Глики явилось опять-таки подъ вліяніемъ Псалтири. Совпадаютъ, наконецъ, 2—3 пословицы; но и тутъ вѣроятнѣе всего, что у обоихъ произведеній былъ одинъ источникъ: пословицы сочинять очень трудно, и М. Глика взялъ ихъ или изъ устъ народа или изъ гномическихъ сборниковъ.

Наиболѣе невѣроятнымъ кажется намъ допустить вліяніе М. Глики на Даніила, потому что поэмы перваго, появившись во *второй половинѣ XII в.*, едва ли могли пріобрѣсти такую популярность, чтобы сдѣлаться извѣстными на Руси къ началу XIII в., къ которому мы относимъ написаніе „Сл. Д. З.“ Г. Щурать, требовавшей у Миллера и Шляпкина не одного только голаго указанія на сходные съ „Моленіемъ“ памятники западно-европейскіе, но и доказательствъ, „*былъ ли какой-либо изъ этихъ памятниковъ извѣстенъ на Руси*“, не пытался, да и не могъ дать доказательствъ извѣстности у насъ поэмъ М. Глики не только въ XIII в., но и вообще, даже въ позднѣйшее время.

Итакъ, нашъ выводъ тотъ, что „Слово Д. З.“ написано, по всей вѣроятности, въ двадцатыхъ годахъ XIII в. дружинникомъ князя Ярослава Всеволодовича Даніиломъ, сосланнымъ на озеро Лаче за трусость на войнѣ.

